

6. На пороге гласности

375

Откровенные разговоры самиздатских авторов были немыслимы в открытой печати. Однако и сюда проникали отголоски полуподпольных обсуждений, в том числе и их критической части. Носителями инакомыслия здесь становились «либералы» — представители официальной статусной элиты (прежде всего официальные публицисты, консультанты, «деятели науки и культуры»), стремящиеся к демократизации и плюрализации общественных отношений (в данном контексте их надо отличать от либералов — приверженцев либеральной доктрины). «Либералы» были инакомыслящими, но не были инакодействующими. Они пытались осторожно провести те же идеи, которые диссиденты ставили «в лоб».

Иногда «либеральная» мысль выражалась «эзоповым языком». В 1984 г. мир обсуждал, насколько и где сбылись предсказания Д.Оруэлла, сделанные в книге «1984». На Западе в связи с Оруэллом, естественно, обсуждался режим, сложившийся в СССР. Но советские журналисты тоже решили вступить в спор по поводу «крамольного» произведения, напомнить о нем читателю, который мог ознакомиться с «1984» только в «самиздате» и «тамиздате». В декабрьском номере «Нового времени» кратко излагалось содержание произведения, а в феврале 1984 г. доказывалось, что «злой фантаст “увидел” и описал синдром капитализма»¹⁵³. Так делался шаг к реабилитации на советской почве одного из злейших критиков тоталитаризма. Убеждая читателей в том, что Оруэлл «имел в виду не социализм», автор статьи В.Цоппи вольно или невольно ставит саму проблему: «Океания... — где живут и маются в непроходящем страхе и тотальном бесправии» люди — это «псевдоним Москвы» (хотя бы 30-х гг.) или нет? Автор утверждает — нет. Это вообще Британия¹⁵⁴. Но читатель может пожелать сделать вывод, самостоятельно прочитав произведение (тем более, что после статьи Цоппи его чтение не может возбраняться). В таких ситуациях либерала трудно отличить от передового бойца идеологического фронта, а у КГБ мог возникнуть вопрос, сформулированный в свое время П.Милуковым: «Что это: глупость или предательство». Но поделаться здесь было нечего — позиция автора идеологически выдержана.

«Либералы» выражали крамольные взгляды и в менее закамуфлированной форме. Например, либеральный экономист А.Аганбегян открыто писал о «кризисе традиционно сложившихся в обществе организационных структур, которые... не удовлетворяют современным требованиям и становятся тормозом хозяйственного развития»¹⁵⁵. В 1983 г. Руководимый Аганбегяном журнал ЭКО после серии опубликованных им «сомнительных» материалов отделался критикой со стороны обкома, которая не вела к «организационным выводам»¹⁵⁶. Журналы ЭКО, «Век XX и мир», «Новый мир» и другие, в которых публиковались «либералы» различного социального положения (в том числе и будущие советники реформистского руководства КПСС), были не только трибуной и клубом, связывавшим различных носителей «либеральных» взглядов, но и лабораторией, в которой реформистские идеи адаптировались к «рамкам дозволенного».

Еще более откровенны были либеральные писатели. Андроповский период облегчил публикацию произведений, обличающих теневые стороны

советской экономики. Шумный успех (с последующей критикой) имели произведения И.Штемлера «Таксопарк», «Универмаг» и «Утреннее шоссе». Но писатели не готовы были останавливаться на частных недостатках. А.Адамович легально обсуждает проблему террора: *«Когда-то Достоевский подставил подножку безоблачной логике “арифметического гуманизма”, который увлеченно подсчитывал, сколько голов не жалко ради счастья миллионов обиженных и униженных. Сколько же не жалко? Ста голов, тысячи, ста тысяч? Ну, а если эти сотни и тысячи абстрактных единиц взять да и персонифицировать: не просто единица, а ребенок! Ради вас, счастья вашего будет замучен один-единственный ребенок! Примете вы, лично вы свою порцию счастья? Или, может быть, вернете билет — как Иван Карамзев возвращает самому Богу!»*¹⁵⁷ Конечно, Адамович ссылается на опыт борьбы с фашизмом, но даже не очень искушенный читатель поймет, что речь идет об отечественной теории и практике. Тем более, что в этой же статье Адамович напоминает, что количество жертв репрессий 1937—1938 гг. вполне сопоставимо с числом жертв войны. Продолжая свою мысль, Адамович утверждает культуру ненасилия: *«В одной из дискуссий мой оппонент возразил: “Если идти до конца в утверждении принципа “не убий!” , то надо будет сказать и такое: “Умри, но не убий!” И ведь это не абстрактные разглагольствования. Вопрос этот — острый, из “крайних”, предельных, но неизбежных для гуманиста нашего времени”. Да, именно так: “Умри, но не убий!”*»¹⁵⁸. С точки зрения советских военных это — явное поражение.

Д.Кречмар оценивает «результаты литературной политики брежневской эры» как «распад официальной догматики и усиление националистическо-консервативного лагеря в качестве идеологической альтернативы»¹⁵⁹. Этот вывод, явно недооценивающий роль других течений, расходится не только с приводимыми здесь фактами, но и с дальнейшими событиями, выдвинувшими на авансцену Перестройки либеральную писательскую общественность. Официальная догматика еще не распалась, но заметно ослабла. Но не в результате литературной политики, а в ходе развития процессов, начавшихся в стране еще в 50-е гг. И в качестве альтернативы официозу укреплялся не только национал-консерватизм, но и либерализм, также имевший союзников в высших эшелонах власти, и демократический социализм. Патриоты занимали сильные позиции в писательской среде (хотя в андроповский период их позиции оказались под ударом), либералы и социалисты — в поэзии (в том числе песенной), драматургии, литературной критике и публицистике.

В апреле 1983 г. в Минске прошла литературная конференция «Военная литература и ядерная эпоха», на которой Адамович, покритиковав американских империалистов, начал говорить слова, с марксистско-ленинской идеологией несовместимые: *«Судьбами, жизнью и смертью человечества, всего человечества — вот чем сегодня измеряется высшее благо, добро и, соответственно, высшее зло). Там, на этой высоте, и абсолютный нравственный закон.*

Не убий человечество! — ничего нет и быть не может, что этот закон ограничивало бы, сужало...

“Не убий!” — звучит все же как-то... вроде бы не из нашей оперы. Но та же проклятая Бомба многое, очень многое (и многих) заставляет (и еще заставит) поворачиваться неожиданной стороной и к неожиданным, может быть, забытым вещам»¹⁶⁰. Поворот к библейским истинам перед лицом ядерной катастрофы означал вызов официальной идеологии, звучавший уже отнюдь не в диссидентских кругах. Такая позиция могла повлечь за собой обвинение в пацифизме, официально осуждаемом. Но Адамович, прикрываясь авторитетом Маркса, переходит и к реабилитации пацифизма: «Изначальное (о котором говорил Маркс) чувство справедливости и гуманности этого коллективного действия — маршей мира и т.п. — придает движению против атомной угрозы чрезвычайную устойчивость, несмотря на разнохарактерность сил и психологий, в нем участвующих»¹⁶¹. Развивая эту тему в статье «Взрыв на вершине литературы», Адамович писал: «А не пацифизм ли это? — строго спросит тот, кто не привык вдумываться в явления, анализировать, но зато точно знает, как относиться к тем или иным словам... В век ядерного оружия, когда человечество впервые в истории стоит перед угрозой тотального самоуничтожения, у коммунистов и пацифистов как бы больше точек соприкосновения»¹⁶².

АДАМОВИЧ Александр Михайлович (1927—1994)

Участвовал в партизанской войне в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Закончил медицинский институт, филологический факультет Белорусского государственного университета, аспирантуру, высшие курсы сценаристов и кинорежиссеров. Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Белоруссии. Преподавал в МГУ. Был отстранен от преподавания за отказ подписать письмо против писателей-диссидентов А.Синявского и Ю.Даниэля. С 1987 — директор Всесоюзного института киноискусства, заместитель председателя комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

С 1989 г. — сопредседатель общественного совета общества «Мемориал». Сопредседатель секретариата правления Союза писателей СССР (1991—1992). Народный депутат СССР (1989—1991). Лауреат литературной премии Министерства обороны СССР, лауреат государственной премии БССР, награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак почета». Автор произведений: «Партизаны», «Хатынская повесть», «Каратели», «Последняя пастораль великого драматурга», «Белорусский роман». В соавторстве с Д.Граниным — «Блокадная книга»¹⁶³.

Наиболее откровенно идею советского пацифизма высказал журналист А.Пумпянский: «Атомная война — это страшнее, чем фашизм»¹⁶⁴. Тогда уж тем более страшнее, чем западная цивилизация. Так, может быть, стоит уступить в споре с ней? Такие крамольные выводы еще не делались, но сама посылка вела к ним неминуемо. А пока либеральные марксистско-ленинские теоретики делали осторожный вывод о необходимости пере-

смотра некоторых классических догматов в новых условиях. По словам Г.Шахназарова, *«то, что могло считаться правильным до появления и накопления тотального оружия, не обязательно должно считаться правильным после этого переломного события... Не существует политических целей, которые оправдывали бы применение такого средства, как ядерное оружие»*¹⁶⁵. Ни коммунизм, ни даже сохранение независимости СССР — никакие идеологические святыни не могут оправдать нажатия кнопки. Об этом в советском издании открыто говорилось в самый разгар холодной войны. И это значило, что стремление к разоружению в СССР было ничуть не меньше, чем на Западе.

ШАХНАЗАРОВ Георгий Хосроевич

1924 г. рождения. Закончил Азербайджанский государственный университет, доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии наук. Являлся заместителем и первым заместителем заведующего отделом ЦК КПСС, в 1988—1991 гг. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, советник Президента СССР в 1991 г. С 1992 г. — руководитель группы по изучению глобальных проблем Фонда Горбачева. Президент советской ассоциации политических наук АН СССР. Депутат Верховного Совета СССР 11 созыва, народный депутат СССР 1989—1991 гг. Член КПСС до 1991 г. Автор книг «Фиа-ско футурологии», «Грядущий миропорядок». Лауреат Государственной премии СССР¹⁶⁶.

Логика Шахназарова воспроизводила идею Эйнштейна о необходимости нового мышления в ядерный век, изменения традиционных политических стереотипов после возникновения ядерного оружия. В 1984 г. в СССР прозвучала и сама формула «Новое мышление в ядерный век» — вышла книга Анатолия Громыко и Владимира Ломейко под этим названием. Авторы, опираясь на идеи А.Эйнштейна, обосновывали важность, а иногда и приоритетность надклассовых общечивилизационных ценностей. Книга была передана Горбачеву. В декабре 1984 г. магическая формула нового мышления была провозглашена во время визита Горбачева в Лондон. После этого формула стала одним из ключевых лозунгов Перестройки. Правда, когда через несколько лет Громыко и Ломейко попытались переиздать книгу, им предложили сделать это уже под другим названием¹⁶⁷.

Гуманистическое направление мысли, отрицавшее биполярность мира, развивал и ведущий киргизский писатель Ч.Айтматов.

АЙТМАТОВ Чингиз Торекулович

1928 г. рождения. Закончил Киргизский сельскохозяйственный институт. Сын репрессированного. В 1942—1953 гг. работал секретарем исполкома сельсовета, в 1953—1956 гг. — зоотехником экспериментального хозяйства. В 1956—1958 гг. был слушателем Высших литературных курсов, в 1959—1965 гг. — редактором журнала «Литературный Киргизстан», корреспондентом «Правды» по Киргизской ССР. В 1964—1986 гг. — первый секретарь, а с 1969 г. — председатель правления Союза кинематографистов Киргизской ССР. В

1976—1990 гг. — секретарь правления Союза писателей СССР и Союза кинематографистов СССР. В 1988—1990 гг. — главный редактор журнала «Иностранная литература». С 1990 г. — посол СССР (с 1992 г. — России) в Люксембурге. В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР. В 1989—1990 гг. — председатель комиссии Совета национальностей по вопросам развития культуры. Основатель всемирного движения деятелей культуры «Иссык-Кульский форум». Академик АН Республики Кыргызстан. Член Римского клуба. Член КПСС в 1969—1991 гг. Автор романов и повестей «Джамия», «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Прощай, Гюльсары», «И дольше века длится день», «Плаха» и др.¹⁶⁸

В 1980 г. Айтматов в романе «И дольше века длится день...» показал фантастическую ситуацию сотрудничества мировых держав в изоляции Земли от контакта с иными мирами. Две сверхдержавы в романе равно ответственны за антигуманные действия, связанные с этим. Самоизоляция мира поразительно напоминает самоизоляцию страны. Писатель продолжает эту линию, рассказывая легенду о рабах-манкуртах, изолированных от памяти, а значит — и от сознания. Связь информационной закрытости, рабства, безумия, разрыва с традицией, равная ответственность за безумное состояние мира со стороны двух «систем» не могла не остаться незамеченной. Айтматов сформулировал свои идеи достаточно осторожно и иносказательно, чтобы к ним нельзя было предъявить откровенно политических обвинений. Он просто предоставил либерально настроенному читателю домыслить. Домыслили и ортодоксы. «Вместо социального подхода, — писала «Правда», — здесь в романе Ч.Айтматова действует некий нравственный суд: “Паритетность” — как знак равновеликого вклада мировых сил в космическую акцию — отвлекается от качеств двух мировых сил, степени их исторической жизнеспособности, приближения к идеалу всечеловеческого жизнеустройства... “Паритет” не уживается с чьим-либо нравственно-гуманистическим “приоритетом”»¹⁶⁹.

Логика правдиста обоюдоостра. Отказ от «паритета» в пользу приоритета идеологически выдержан, но рискован. Как только нравственно-гуманистические мифы СССР начнут разрушаться, тоталитарная интеллигенция «переметнется» к приоритету западных ценностей, забыв о вкладе Западной цивилизации в беды XX столетия. Айтматов стремится встать выше таких «приоритетов»: «Когда человек выходит за пределы своей земли, это уже не он, индивид такой-то, а все человечество вместе с ним делает шаг в Космос». Перед лицом Космоса (следующие шаги — Вечности, Бога) суетная борьба людских и государственных амбиций — ничто. Но именно она мешает людям превратиться в Человечество.

В первой половине 80-х гг. эта борьба снова поставила человечество на грань гибели. В мире царит ненависть. Она разлагает не только человечество, но и каждого человека. Об этом повествовал писатель В.Коротич: «Мне никогда еще с такой отчетливостью не удавалось проследить разрушительное влияние ненависти на страну. Ненависть самоубийственна — я всегда это знал, но сейчас в Америке особенно четко понял, насколько это

верно... Америка никогда не была особенно доброй: но такой злой она тоже не была никогда.

Существует старая и великая мудрость, что народ, угнетающий другие народы, свободным быть не может. Чуть перефразируя этот тезис, можно сказать, что народ, от имени которого пытаются подчинить мир силой и страхом, сам будет изнемогать от ужаса и насилия.

Я — об Америке»¹⁷⁰, — добавляет автор в завершение, дабы узнаваемый в этих строках образ СССР не послужил поводом для идеологических обвинений. Продолжая критиковать Америку (иногда — вполне справедливо), «боец идеологического фронта» вдруг, как бы между прочим, разворачивает критическое перо в сторону сложившихся в СССР социальных отношений: «...страна ...воспитывает своих граждан людьми с пониженной ответственностью... Нас с детства приучают, что если заболит живот, то надо звонить государству, то есть в государственную поликлинику, и там помогут. Если крыша течет, надо шуметь, жалуясь государству же на то, что у меня-де с потолка капает»¹⁷¹.

КОРОТИЧ Виталий Алексеевич

1936 г. рождения. Закончил Киевский медицинский институт им. А.А.Богомолова. Работал врачом-кардиологом в сельской больнице, вел теле- и радиопередачи, был редактором журнала «Всесвіт». С 1981 г. — секретарь Союза писателей СССР. В 1986—1991 гг. — главный редактор журнала «Огонек». С 1986 г. — вице-президент международного движения «Деятели искусства — за ядерное разоружение». В 1989—1991 гг. — сопредседатель Всесоюзной ассоциации писателей «Апрель». Народный депутат СССР в 1989—1992 гг. Член КПСС до 1991 г. В 1991 г. отстранен от работы редактора в связи с нерешительностью (в августовские дни 1991 г. отказался вернуться из заграничной командировки). С 1991 г. преподает в Бостонском университете. Автор произведений «Ненависть» («Лицо ненависти»), «Кубатура яйца» и др.¹⁷²

Таким образом, либералы легально обсуждали в критических тонах и современную им «социалистическую действительность», отказываясь лишь от «комплексных» выводов. Да и то не всегда. Ф.Бурлацкий писал: «В то же время реальный социализм получил такое название потому, что пока еще не полностью соответствует социалистическому, а тем более коммунистическому идеалу, о котором мечтал Маркс. Социалистический идеал, если попытаться его сформулировать кратко, состоит в том, что общество достигает более высокого уровня развития производительных сил, чем капиталистическое, более высокого развития и качества жизни, и в нем во всех сферах утверждаются принципы социальной справедливости, равенства, социалистической демократии, гуманизма, коллективистских человеческих отношений, неведомых капитализму»¹⁷³.

Сокращение военных расходов и постепенное повышение уровня культуры людей позволит достигнуть идеал, но пока этого еще не произошло.

По мнению Бурлацкого, черным по белому напечатанному многомиллионным тиражом, в СССР «еще не достигнуто» выполнение принципов, которые К.Маркс считал критериями социализма.

БУРЛАЦКИЙ Федор Михайлович

1927 года рождения. В 1947 году окончил Ташкентский юридический институт, в 1951 году — аспирантуру Института государства и права АН СССР (кандидатская диссертация по теме: «Политические взгляды Н.А.Добролюбова»). В 1964 году защитил докторскую диссертацию по теме: «Государство и политика»; доктор философских наук, профессор. С 1952 по 1964 год работал ученым секретарем редакционно-издательского совета по общественным наукам Президиума АН СССР, был заместителем заведующего международным отделом журнала «Коммунист», заведующим группой консультационного отдела по связям социалистических стран ЦК КПСС.

В 1965 г. выступил в газете «Правда» со статьей, где обосновывал необходимость политологии. Он также разрабатывал основной понятийный аппарат и направления исследований в области политологии. Участвовал в качестве автора в создании учебников по политологии, обществознанию и основам философии.

С 1969 по 1972 год работал заместителем директора Института социологических исследований АН СССР. С 1982 года работал политическим обозревателем «Литературной газеты», затем был избран главным редактором «Литературной газеты» (ЛГ) в противовес рекомендациям ЦК КПСС и Союза писателей СССР, которые пытались назначить главным редактором «ЛГ» Александра Проханова.

Был членом КПСС. В 1989 году был избран народным депутатом СССР. В августе 1991 года был снят с должности главного редактора «Литературной газеты» в связи с нерешительностью, проявленной в дни августовского путча 1991 года. В настоящее время работает главным научным сотрудником Института государства и права РАН. Президент фонда «Евразийское государственное сотрудничество». Участвовал в работе Конституционного совещания.

Автор политических биографий Хрущева, Брежнева, Горбачева, Мао-цзе-Дуна, Франко. Опубликовал ряд исследований, посвященных культу личности Сталина¹⁷⁴.

Предпринимались попытки «проверить на прочность» позиции «ортодоксов» и на ниве исторической науки. «Ортодоксы» контратаковали, понимая, что свободные исследования могут привести к краху марксистско-ленинской идеологии, по крайней мере, в качестве господствующей.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в исторической науке в это время, В.Поликарпов писал: «В первой половине 80-х консерваторы показали себя в организации (под видом научной дискуссии) заговорной охоты на историка Киевской Руси И.Я.Фроянова в случае с “хрущевской” статьей в “Вопросах истории” и со скандалом из-за статьи Е.А.Амбарцумова, посвященной наводящему на размышления сопоставлению политического кризи-

са 1921 г. в ленинской России с текущим кризисом в Польше Ярузельского: ставился «крамольный» по тому времени вопрос о возможности политических кризисов в социалистических странах»¹⁷⁵. Дискуссии в исторической науке не прекращались всю историю советской власти. Но иногда они имели далеко идущие организационные последствия, и потому критика была опасна для историка как прелюдия к увольнению. Историк, бравшийся за «ревизию» устоявшихся идеологических тем всегда рисковал. Партия, позволяя дискуссии вне «запретных зон», стояла на страже своих позиций: «пятичленной» формационной теории, которая подводила под ее господство «научную основу», отечественной истории XX века, скрывавшей преступления КПСС, некоторых фрагментов российской истории, которые были призваны поддерживать патриотические настроения, а также истории мирового коммунистического движения.

Обычно конфликты и «скандалы» начинались не в результате наступления консерваторов, а после попыток ученых «проверить на прочность» прочерченный властью рубеж дозволенных исторических изысканий. Здесь союзниками партийных ортодоксов было и множество маститых историков, научный авторитет которых покоился на разработке традиционной концепции. И.Фроянов подверг сомнению теорию феодального характера Киевской Руси, что вызвало «праведный гнев» десятков именитых исследователей, которым пришлось бы пересматривать свои труды. Здесь также проглядывала опасность формационной «пятичленке». Но, несмотря на начавшуюся критику («загонную охоту»), Фроянов продолжал успешную научную деятельность.

В случае с Амбарцумовым не произошло даже «загонной охоты». Его статья в «Вопросах истории» была резко раскритикована Е.Бугаевым — замом главного редактора «Коммуниста», на чем обсуждение и закончилось. После выступления Бугаева status quo был восстановлен и традиционалисты могли спать спокойно.

АМБАРЦУМОВ Евгений Аршакович

1929 года рождения. В 1951 году окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). В 1951—1954 годах учился в аспирантуре МГИМО. Кандидат исторических наук.

В 1954—1956 годах работал редактором в журнале «Новое время». В 1956—1959 годах — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. В 1959—1963 годах — редактор журнала «Проблемы мира и социализма» (Чехословакия, Прага). С 1963 года — заведующий сектором, отделом в различных гуманитарных институтах в системе АН СССР, последняя должность — заведующий отделом Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ныне — Институт международной экономики и политических исследований Российской АН).

Широкую известность приобрел в 1984 году после публикации в журнале «Вопросы истории» статьи о Новой экономической политике.

В 1990—1993 гг. — народный депутат России. В 1994—1995 гг. — депутат Государственной Думы от избирательного блока «Яблоко». Член Совета учредителей «Московских новостей».

«Либералы» не только прошупывали степень дозволенного и воздействовали на «прогрессистскую» часть партийной верхушки, но и устраивали разного рода «идеологические диверсии», призванные радикализировать интеллигенцию. Так, например, во время посещения московским первым секретарем В.Гришиным театра на Таганке, которым руководил либерально настроенный режиссер Ю.Любимов, начало спектакля «Пристегните ремни» немного задержалось, так как два руководителя обсуждали работу театра. Дальнейшее Гришин описывает так: «В семь часов я встал и сказал, что мы идем на спектакль. Хозяева нас повели не через дверь, расположенную ближе к сцене, а через дверь в середине зрительного зала, чтобы мы прошли мимо рядов кресел, где сидели зрители. Спектакль начинался так: открытая сцена представляла салон самолета. Пассажиры сидят в креслах. Вылет самолета задерживается, так как опаздывает какое-то «начальство», и вот в это время нас ведут в зрительный зал, и мы оказываемся как бы теми «бюрократами», по вине которых задерживается вылет самолета. Зрительный зал громко смеется, раздаются аплодисменты... Мы просмотрели спектакль до конца. После его окончания зашли в кабинет Ю.Любимова. Он извинялся за происшедшее, говорил, что его подвели и т.п.»¹⁷⁶.

Такое балансирование на грани диссидентства делало саму эту грань довольно зыбкой. Начав думать «иначе», «либералы» начинали «иначе» действовать, «подставлять подножки» своим «благодетелям». Система начинала отторгать «заигравшихся», и они искали опоры в «мировой цивилизации», позволяя себе все большую откровенность во время зарубежных поездок. Часто это заканчивалось лишением советского гражданства. С Ю.Любимовым это случилось в 1984 г., хотя острые публичные конфликты с властями происходили и раньше. В 1977—1978 гг. Любимов подвергся серии нападок в официальной печати. В 1981 г. разразился скандал из-за отказа властей санкционировать спектакль, посвященный памяти Высоцкого. Любимову удалось добиться «разовых» выходов спектакля. Если бы процесс радикализации его позиции происходил медленнее, то уже через год-другой он вместе с другими «шестидесятниками» оказался бы «прорывом перестройки».

Было бы неверно считать всех «либералов» времен «застоя» скрытыми «врагами режима». Это были люди, которые много получили от существующей системы и были благодарны ей. Они желали «реальному социализму» добра, стремились усовершенствовать его, вступая в конфликт с консерваторами, «ортодоксами». Их действия были попыткой привести общество в соответствие со своим пониманием здравого смысла и социалистических идеалов. «Я не пишу против социализма не потому, — утверждал Е.Евтушенко, — что кто-то запретил мне это. Я этого не делаю потому, что мне совесть не позволяет. Хотя действительность часто не соответствует идеалам социализма, я, как поэт, делаю все, чтобы было достигну-

то соответствие»¹⁷⁷. Такая позиция была распространена, но встречался и противоположный взгляд — циничное отрицание социалистических идеалов и стремление преобразовать страну по западному образцу. Статусная элита (к которой принадлежали либералы) в этом случае только выигрывала. Быстрота, с которой уехавшие на Запад деятели советской культуры становились поклонниками американского или европейского образа жизни, говорит о распространенности таких взглядов.

Независимо от конкретных идей «либерала», он представлял собой отнюдь не вольномыслящего человека. Это делало его сознание достаточно открытым для устного участия в дискуссиях инакомыслящих. Диссиденты идейно взаимодействовали с близкими им «либералами», «либералы» тесно контактировали в своем кругу. К этому кругу, в свою очередь, принадлежали советники высшего партийного руководства. Научная интеллигенция регулярно направляла свои предложения к документам партийных форумов¹⁷⁸. Циркуляция идей, таким образом, не замыкалась в изолированных политических кругах. Именно поэтому поведение «деятели культуры» было столь важным политически и становилось поводом для острой дискуссии в «высших сферах». Советники пытались склонить «вождей» в свою сторону — с переменным успехом. Так, например, в 1983 г. Г. Арбатов обратился к Андропову с письмом о положении в сфере культуры. В частности, он писал: *«идет полоса снятия спектаклей в театрах, в том числе тех, что разрешались раньше (уже затронуты Театр сатиры, Театр Маяковского, не говоря уж о Театре на Таганке). Все это уже родило пословицу: “Вот тебе и Юрьев день”»*¹⁷⁹. Письмо Арбатова, вероятно, задело Андропова за живое, ибо он ответил академику весьма резко, обвинив его в «претензиях на поучения» и «бесцеремонном тоне». Разобрав репертуар московских театров (и показав тем самым, что лично занимается этим вопросом), Андропов резюмировал: *«В принципе хорошо относиться к т. Любимову, я никогда не давал ни ему, ни Вам векселей в том, что буду поддерживать любой его спектакль»*¹⁸⁰.

Резкая реакция на письмо Арбатова свидетельствует не столько о «самодурстве» Андропова, сколько о мучительном противоречии между необходимостью привлечения к проведению реформ квалифицированных кадров и привнесением этими кадрами в политику «чуждых» идей. Как и в начале века, государство искало пути выхода из интеллектуальной изоляции и в то же время боялось (не без оснований) поступиться идейной монополией. Блокируя канал поступления идей от инакомыслящих через «либералов», бюрократическая элита вовсе оказывалась без свежих идей. Те информационные «крохи», которые проходили через идеологические фильтры, были явно недостаточны.

Демонтаж этих фильтров был предопределен. Рано или поздно к руководству страной должна была прийти группировка, более податливая к советам «либералов», чем лидеры, подобные Андропову. Дискуссии инакомыслящих были обречены на то, чтобы превратиться в дискуссии общества.